

НА ПРЕМЬЕРЕ ТЕАТРА САТИРЫ I

„А не хулиган ли вы, гражданин?“

Никакой «сатиры» тут, как и следовало ожидать, нет. Обличаются тут «люди» — безотвратно к их общественному коэффициенту. Совслужащий, рабочий, певица, Чемберлен и т. д. Трагеданы в свете морали: идеология всех спенж (их много — до двух десятков) в последнем счете сбивается на проповедь... личного совершенства. «Грешен, гражданин, в хулиганстве?» — Грешен... «Ну, иди с миром, аз недостойный нерей, власть от бога мне данной, прошам и разрешам тя».

ПРОФЕССОР — Нурикин, ХУЛИГАН — Назаринев.

Все здесь очень мягко и улыбающе — и уж, конечно, никто не «исправит». Потому что всякая пошлость проповедь бесцельная; потому что если «все — хулиганы», то это и не страшно и не обличительно.

На приходится серьезно относиться к этой «сатире» еще и потому, что между «битьем» по голове гитарой доктора, отказавшего в саватории, и возгласами певицы, не дающих возможности работать соседу-ученому — дистанция огромного размера. В самом деле, какая же «хулиганка» эта работающая (ведь «это ее профессия») девушка? Уж если что обличать здесь, так наши тяжелые жилищные условия. За что же ее-то возорить?

Еще пример. Конечно, хулиганы эти зав, бух и помбух, потягивающие на жесткий эляж, — ну а что хулиганского нашел театр в пьянствах до части важности и любез-

ности, какие покупательница встречает в частном магазине? Да такое «хулиганство» — что называется «шуткой, господи» в наши советские и кооперативные магазины...

Такова участь вешного морализатора — все валить в одну кучу: годный ли украл булку, растратчик ли проиграл казенные деньги, лишние паймама изобретательного правды убийство Салло и Вашингтона и т. д. и т. п. А ведь «сатира» — не дрябленькая мораль, а удар по чужой государственности и чуждой нам обществуности.

Что же имеется палицо во всей серии инсценированных анекдотов, слишком критичательно написанных на этот неуловимый заголовок? Кроме легкого бездумного анекдота, кроме безпредметного, иногда изысканного остроумия — ничего. Отдельные сценки забавны («Мануфактурные чистильщицы», «Вечно трамвайное», «Поставщики и потребители...»). Но есть и вяло сделанный и поданный эпизоды: «Просвещенная Европа», финал сценки «На приеме», некоторые лубки, скучно конферирующие в перерывах между эпизодами «Профессор» и «Хулиган».

Постановка А. Алексеева: иногда она есть (например, в «Мануфактурном чистильщике В», «Каждый сам себе конферансье»), иногда ее нет. Текст Алексеева жж и В. Ардова: обыкновенный, юмористический. Актеры: прежние и по прежнему — выделялась только одна «новенькая», Нур, обратившая на себя внимание четкостью рисунка и твердостью тона.

В заключение хотелось бы предложить театру-проповеднику сюжет для еще одной сценки к спектаклю: этот же спектакль идет в ленинградском финале «Сатиры», но под заглавием — «Бревно в глазу». Нетрудно догадаться, что это переименование (он

На пляже — «усердным наблюдателем».

не впервые в практике этого театра) сделано с целью увлечения в театр москвича, приехавшего в Ленинград по делам, или обратно... Подлинно — «сведомый» нерей.

САДНО.